

Когда Учиха Мадара, преодолевая слабость, наконец пришёл в себя, первым, что он увидел, было перекошенное лицо Сенджу Хаширамы, который, казалось, вот-вот разрыдается от избытка чувств. Рядом же, не скрывая едкой насмешки, скалился Тобирама.

Мадара поджал губы и попытался пошевелиться, с удивлением обнаружив, что его даже не связали.

«Хех, значит, наивный Хаширама всё ещё гнёт свою линию, и Тобираме не удалось его переубедить», — Мадара опустил взгляд, разглядывая землю и лихорадочно соображая, как ему поскорее убраться отсюда.

Он был уверен, что дело в пресловутых узах «братской дружбы», которыми так дорожил Первый Хокаге. Мадаре и в голову не могло прийти, что Сенджу Тобирама просто не видел смысла в лишних телодвижениях: пока здесь находился Сайтама, пленник не смог бы сбежать, даже если бы очень захотел.

Так что Мадара, сам того не зная, выдал Хашираме «кредит доверия» совершенно зря.

К слову, о Хашираме: выслушав рассказ Сайтамы, он искренне поверил, что Мадара сотворил с Узумаки Мито нечто по-настоящему чудовищное. Бог ниндзя уже готов был впечатать свою сандалию в холёное лицо бывшего друга, но тут Сайтама, небрежно приподняв Девятихвостого за хвост, поинтересовался:

— А мясо жареной лисы вкусное?

Братья Сенджу замерли. Они и не чаяли снова увидеть Кураму на свободе так скоро, но...

Судя по всему, Девятихвостый пережил тяжелейшее потрясение. Тот, само воплощение стихийного бедствия, выглядел сейчас как побитый щенок.

Его, величайшего из хвостатых, сразил обычный человек. Одним ударом!

«Всё, — тоскливо подумал лис, — уйду из хвостатых. В монастырь пойду».

Хаширама с предельно серьёзным видом пояснил:

— Сайтама, хвостатых зверей нельзя есть. Они — лишь сгустки чакры. Даже если ты его освежешь, мяса там не найдёшь.

— Вот оно как... — в голосе Сайтамы прозвучало такое искреннее разочарование, что Девятихвостый отчаянно засучил задними лапами.

Помогите! Живодёры! Кто-нибудь, скажите Мудрецу Шести Путей, что его детища собираются подать к столу! Лис был готов поклясться: этот лысый огорчился не из-за того, что перед ним — чистая энергия, а из-за отсутствия нормального ужина. Если он прознает, что в этой форме жизнь тоже вполне ощутима, Кураме точно не сдобровать.

— Похоже, Мадара планировал использовать силу Девятихвостого в своих целях, но Сайтама уложил их обоих одним махом, — холодно констатировал Тобирама.

Он хотел добавить ещё что-то язвительное, но, видя, что Мадара пока не горит желанием вступить в дискуссию, лишь потянул брата за шиворот.

— Нужно позаботиться о Мито!

Извлечение хвостатого — процесс крайне болезненный и опасный для джинчуурики. Им требовалось немедленно разобраться с печатью и загнать притихшего лиса обратно в тело Узумаки Мито. Впрочем, Курама, судя по его виду, и сам был не прочь запереться в клетке и не выходить оттуда ещё лет сто — лишь бы подальше от кулинарных изысканий Лысого Плаща.

— Ну и что вы собираетесь делать? — подал голос Мадара.

Даже в положении пленника он не растерял своего высокомерия. Мадара вскинул подбородок, глядя на Сенджу сверху вниз.

— Это я должен тебя спросить, — Тобирама с силой сжал плечо брата, не давая тому вставить и слова.

Учиха лишь холодно усмехнулся. Он не собирался откровенничать, а у Тобирамы не было действенных способов развязать ему язык.

Мадара уже победно улыбнулся, но стоило ему повернуть голову, как он наткнулся на Сайтаму. Тот с самым будничным видом прихлёбывал сок из стакана.

Великий шиноби мгновенно одеревенел. В памяти вспыхнул образ того самого удара, способного расколоть небеса и землю. Это был чистый, первобытный ужас — величайший в долгой жизни Учихи Мадары. Даже сейчас он, казалось, чувствовал кожей ледяное дыхание того сокрушительного замаха.

Неужели эта запредельная, непостижимая мощь действительно принадлежала вот этому... абсолютно заурядному человеку с видом вяленой рыбы?

Мадара инстинктивно зажмурился, но перед глазами снова и снова вставал сжатый кулак Сайтамы. Тупая боль, всё ещё гудящая в теле, была лучшим доказательством того, что этот человек — не просто ниндзя. Это была непреодолимая бездна. Пропась, через которую

невозможно перепрыгнуть. Даже Хаширама на его фоне казался понятным.

— Эй, Мадара, долго будешь молчать? Тебе что, совсем плевать на свой клан? Твои действия сегодня — это же чистое предательство, — прервал тишину Тобирама.

Учиха открыл глаза. Его Мангекё Шаринган бешено вращался.

— Какое мне дело до клана Учиха? Те, кто был мне дорог, давно в могиле.

Тобирама на мгновение осёкся. Ведь именно он убил Изуну. На поле боя не бывает места жалости, это понимали все, но сейчас, когда кланы объединились, оба предпочитали обходить эту тему стороной.

— Мадара! — Хаширама шагнул вперёд, хмурясь.

Мадара ненавидел Тобираму, всей душой желал ему смерти, и это была та запутанная нить ненависти, которую Первый Хокаге тщетно пытался распутать.

— Скажи мне, о чём ты думал? — Хаширама сел напротив, по-турецки скрестив ноги.

В его взгляде не было подозрения — лишь искреннее желание понять мотивы старого друга. Мадара долго молчал, и когда Тобирама уже решил, что ответа не будет, вдруг спросил:

— Если я решу уничтожить деревню, что ты выберешь, Хаширама?

Первый Хокаге мгновенно помрачнел. Он посмотрел прямо в глаза Мадаре.

— Если ты покусишься на деревню, я убью тебя.

— Ха-ха... — Мадара разразился хриплым, безрадостным смехом. Казалось, он и не ждал иного ответа. — Хаширама, ты... ты перепутал цель со средствами!

— Мадара, ты смеешь обвинять брата в том, что он забыл о главном? — вмешался Тобирама, удерживая готового взорваться Хашираму.

— А разве нет? Скажи мне, Хаширама, зачем ты строил эту деревню?

— Чтобы защитить... — Хокаге замолк на полуслове. Он прищурился, а его руки мелко задрожали.

Коноха задумывалась как убежище для друзей, близких и место, где новые поколения могли бы жить в мире. Но только что он сам подтвердил: ради идеи деревни он готов принести в жертву всё. Даже того, кого называл другом.

Мадара, видя его смятение, продолжил:

— Ты помнишь, я водил тебя в Храм Учиха?

— Да!

— Брат! С каких это пор ты шастаешь по Храму Учиха вместе с ним?!

— Тобирама, помолчи!

Второй Хокаге лишь возмущённо выдохнул.

— Стихия Света Сенджу в сочетании со Стихией Тьмы Учиха рождает всё сущее в этом мире, — Мадара произнёс это тихо, почти торжественно.

Братья Сенджу замерли, пытаясь осознать масштаб этой новости. Но не успели они вымолвить и слова, как пришедшая в себя Узумаки Мито не выдержала.

— Что?! — вскрикнула она, не скрывая шока. — «Сочетание» рождает всё сущее?! Вы что, должны пожениться, чтобы обрести эту силу?! Я так и знала, что между вами что-то нечисто! Хаширама! Ты что, развода захотел?!

Хаширама онемел, не зная, за что хвататься: за сердце или за голову.

У Мадары же в голове пронеслась одна-единственная мысль:

«Минуточку... а так тоже можно было?»

<http://bllate.org/book/17395/1657079>